

НОВОЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ РОЗНИЧНЫХ ПЛАТЕЖНЫХ УСЛУГ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В. Л. Достов,

кандидат физико-математических наук,
заведующий сектором межкафедральной лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ,
председатель Совета Ассоциации участников рынка электронных денег и денежных переводов «АЭД»;
e-mail: dostov@npaed.ru

М. В. Мамута,

кандидат экономических наук,
руководитель Службы по защите прав потребителей финансовых услуг и миноритарных акционеров
Банка России;
e-mail: mamutamv@cbr.ru

П. М. Шуст,

кандидат политических наук,
научный сотрудник сектора межкафедральной лаборатории РАНХиГС при Президенте РФ,
исполнительный директор Ассоциации участников рынка электронных денег и денежных переводов «АЭД»;
e-mail: shoust@npaed.ru

В статье проанализированы основные новации Директивы Европейского союза 2015/2366 о платежных услугах. Рассмотрена суть функционального подхода к регулированию платежной деятельности. Проанализировано закрепление в праве ЕС высокотехнологичных посредников и их роль для обеспечения конкуренции и внедрения инноваций.

The paper reviews major provisions of the EU Directive 2015/2366. Authors look at the peculiarities of functional approach to the payment regulation as well as legal status of the hi-tech intermediaries and their contribution to competition and innovations development.

Ключевые слова: Директива 2015/2366; платежные услуги; платежные институты; девертикализация; конкуренция; инновации.

Key words: Directive 2015/2366; payment services; payment institutions; deverticalisation; competition; innovations.

УДК 346.62; ББК 67.402

В 2007 г. в Европейском союзе была принята Директива 2007/64/ЕС Европейского парламента и Совета о платежных услугах на внутреннем рынке [1]. Ее основная цель состояла в том, чтобы заложить основы наднационального платежного регулирования и максимально сблизить в Европе условия трансграничных платежей с внутригосударственными. По результатам мониторинга правоприменения в 2013 г. Европейская комиссия заключила, что в целом Директива отвечала целям, для которых она была разработана [2]. Однако в платежной деятельности, в отличие, например, от депозитно-кредитной, существенную роль играет технологический компонент. Поэтому к профильному регулированию предъявляются особые требования: оно должно учитывать развитие новых технологий, бизнес-моделей и их влияние на розничный сектор, защиту прав потребителей, конкуренцию. Под влиянием этих обстоятельств в ноябре 2015 г. была принята Директива 2015/2366 [3].

В настоящей статье рассматриваются наиболее, на наш взгляд, интересные новации Директивы: ши-

рокий охват регулирования, а также появление в числе регулируемых субъектов так называемых высокотехнологичных посредников и их роль в оказании платежных услуг. Сделанные выводы, как представляется, могут быть полезны и для российского рынка розничных финансовых услуг.

Особенности Директивы 2015/2366 как правового акта

Коммунитарное законодательство в Европейском союзе отличается от национального. Было бы неправильно представлять Директивы в качестве аналогов законов прямого действия. Согласно Лиссабонскому договору (ст. 288) [4], под директивами стоит понимать акты, которые устанавливают только цели регулирования. В то же время формы и методы достижения этих целей остаются на усмотрение национальных государств. Поэтому директивы представляют собой, скорее, рамочные документы. С процедурной точки зрения их отличительная особенность состоит в протяженном во времени периоде реальной имплементации. Так,

Директива 2015/2366 вступила в силу 13 января 2016 г., но в национальном праве ее положения должны быть реализованы не позднее 13 января 2018 г. (ст. 115¹).

На наш взгляд, слабая сторона директив состоит в том, что на пространстве 28 государств, входящих в Европейский союз, обеспечить их единообразное применение довольно тяжело. Зачастую национальные законодатели по-своему трактуют положения директив, что в итоге приводит к юрисдикционному арбитражу и мешает нормальному функционированию общего рынка. В сфере платежного законодательства эта проблема особо актуальна: потребители не могут рассчитывать на одинаковые стандарты защиты, к платежным институтам предъявляются различные требования. Новый текст платежной Директивы был призван решить и эту проблему.

Охват и субъекты регулирования Директивы 2015/2366

Исторически платежи рассматривались как ограниченный элемент иных финансовых услуг. Поэтому границы платежной деятельности оставались довольно размытыми. Законодательство было сфокусировано на институтах – ориентировано на регулирование банков как институциональных единиц. Со временем платежные сервисы начали отдаляться от иных типов финансовых услуг, например, привлечения сбережений в депозиты, выдачи кредитов и т. д. Платежи оказались, с одной стороны, наиболее восприимчивыми к появлению новых технологий, а с другой – несли меньшие риски, нежели депозитно-кредитные операции.

С учетом этой особенности рынка европейский законодатель очерчивает периметр регулирования по функциональному принципу. В соответствии с п. 3 ст. 4 Директивы 2015/2366 к платежным услугам относят следующие типы деятельности:

- прием и выдача наличных денежных средств со счетов;
- переводы денежных средств – как за счет собственных средств клиента, так и за счет кредитных средств, в том числе путем прямого дебетования или с использованием платежных инструментов;
- эмиссия платежных инструментов и обеспечение приема платежных инструментов;
- переводы денежных средств между физическими лицами;
- услуги по инициации платежей;
- услуги по агрегации финансовой информации.

Функциональный принцип регулирования влияет и на круг организаций, которые имеют право осуществлять платежную деятельность. В России,

где регулирование по-прежнему сфокусировано на институтах, это, в первую очередь, кредитные организации (в силу своего специального статуса)² [5]. В Европе, напротив, установлен довольно широкий перечень субъектов платежного регулирования. К ним, в соответствии со ст. 1 Директивы 2015/2366, относятся:

- кредитные организации;
- институты электронных денег;
- почтовые организации, если национальное законодательство разрешает им оказывать платежные услуги;
- платежные институты;
- центральные банки государств и Европейский центральный банк, когда они не выступают в качестве монетарных властей;
- государственные органы, региональные и муниципальные органы власти, когда они не осуществляют публичные функции.

Особый интерес здесь представляют *платежные институты* – специальный тип некредитных учреждений, имеющих право предоставлять весь спектр платежных услуг. К ним предъявляются определенные пруденциальные требования, такие организации действуют на основе разрешений или лицензий. Тем не менее они не являются банками или держателями банковских лицензий. Европейское законодательство предусматривает, что платежные институты могут совмещать платежную деятельность с любой другой (п. 5 ст. 11), а также предоставлять потребителям ограниченные кредиты за собственный счет, если они связаны с осуществлением платежа (ст. 18).

Исключения и ограничения действия Директивы 2015/2366

Законодатель напрямую исключил некоторые типы деятельности из-под регулирования Директивы (ст. 3): в первую очередь расчеты наличными, бумажными чеками, перевозку наличных денежных средств, а также аутсорсинговые услуги для финансовых учреждений. Однако наибольший интерес представляют, пожалуй, исключения, связанные с ограниченными по объему или функционалу услугами.

Так, Директива не распространяется на платежные инструменты ограниченного функционала, отвечающие одному из следующих требований:

- платежный инструмент можно использовать для покупки товаров и услуг только у одного продавца или в рамках ограниченной сети продавцов;

¹ Далее, если не указано иное, приводятся ссылки на Директиву 2015/2366.

² В России также предусмотрена небанковская модель расчетов – через платежных агентов, в соответствии с Федеральным законом от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами». Однако ее практическое применение постепенно сужается из-за последовательного ужесточения законодательства.

- платежный инструмент может использоваться только для покупки ограниченного набора товаров и услуг;
- платежный инструмент используется только в одной стране ЕС, выпущен государственным органом или под его контролем для социальных целей.

Логика законодателя состоит в том, что Директива не должна действовать в отношении платежных инструментов, не имеющих широкого, универсального распространения (*первая* категория исключений). На практике это такие продукты, как подарочные сертификаты конкретного магазина или розничной сети. Однако порой очень тяжело определить, имеет место универсальное распространение или нет. С 2003 г. эмитенты в ряде стран – членов ЕС пользовались этой неопределенностью, чтобы избежать регулирования. Эмитент заключал массовые договоры с торговыми точками, согласно которым формально сертификаты были частью программ лояльности, а на практике – широко используемым платежным инструментом. Новая Директива не содержит прямых указаний на то, как отделить универсальное распространение от неуниверсального. Однако законодатель приводит некоторые примеры инструментов ограниченного функционала – это карты автозаправочных станций, карты для проезда на общественном транспорте, ваучеры на покупку продуктов питания и т. д. Если инструмент принимается в нескольких торговых точках, то они должны быть связаны между собой отдельным договором или быть аффилированы (преамбула, п. п. 13, 14). В отсутствие более четких указаний национальные регуляторы должны будут самостоятельно оценивать, является ли инструмент универсальным или нет. Для дополнительного контроля Директива обязывает операторов инструментов ограниченного функционала отчитываться о характере своей деятельности перед регулятором, если оборот по ним превышает 1 млн евро в год (ст. 37).

Поскольку в России преобладает сфокусированная на институтах модель регулирования, в отечественном законодательстве подобные исключения для узкоспециализированных инструментов отсутствуют. Исходя из определения электронных денежных средств (п. 18 ст. 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [6]), под специальное регулирование попадают все случаи, когда электронные деньги принимаются организациями, отличными от эмитента. Такое решение усложняет реализацию узкоспециализированных платежных проектов. Самый очевидный пример такого рода – карты «Тройка», которые могут использоваться для оплаты проезда на общественном транспорте (метро, автобус, троллейбус, трамвай) в Москве. Предлагаемые услуги в данном случае являются однотипными. Однако из-за того,

что все они предоставляются разными организациями, такие платежные инструменты подпадают под все требования Федерального закона № 161-ФЗ, предъявляемые, к примеру, к банковским картам. Представляется, что такой подход на практике непропорционален реальным рискам.

Вторая категория исключений относится к платежам через коммуникационных операторов – в первую очередь, операторов сотовой связи. В последние годы эти организации стали все активнее предоставлять клиентам платежные услуги, например, в форме платежей с предоплаченного счета мобильного телефона или включения платы за потребленные товары/услуги в счет за услуги связи. Статистика отмечает рост популярности платежей с использованием смартфонов и аналогичных устройств [7]. Европейский законодатель указывает, что подобного рода сервисы могут быть выведены из-под действия специализированного законодательства. Однако исключение должны составлять только те случаи, когда оплачиваемые услуги могут быть использованы только с помощью телефонного аппарата, например, информация о погоде, загрузка видео, музыки, специального программного обеспечения (преамбула, п. 15). Директива также особо выводит из-под специального регулирования приобретение билетов в электронной форме, которые отображаются на экране телефона (например, на спортивные мероприятия, для проезда на транспорте и т. д.), а также платежи через мобильных операторов в пользу благотворительных организаций – в обоих случаях единовременный платеж не должен превышать 50 евро, а сумма платежей в течение месяца – 300 евро (п. 1 ст. 3).

Следует отметить, что в России действует аналогичное правило, хотя оно используется сотовыми операторами ограниченно. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» [8] содержит понятие *контентных услуг* – вида услуг связи, которые технологически неразрывно связаны с услугами подвижной радиотелефонной связи и направлены на повышение их потребительской ценности (в том числе услуги по предоставлению абонентам возможности получать на пользовательское (оконечное) оборудование в сетях связи справочную, развлекательную и (или) иную дополнительно оплачиваемую информацию, участвовать в голосовании, играх, конкурсах и аналогичных мероприятиях) и стоимость оказания которых оплачивается абонентом оператору связи, с которым у абонента заключен договор об оказании услуг связи. Согласно абз. 4 ч. 5 ст. 44 упомянутого федерального закона, расчеты за оказанные контентные услуги осуществляются самим оператором связи. В российской практике указанная норма закона используется для приема платежей посредством так называемых премиальных SMS – такие сообщения тарифицируются дороже, чем обычные. Часть

Статья 7 Директивы

Тип платежного института	Разрешенные типы операций	Размер уставного капитала, евро
Полноценный платежный институт	Любые, отнесенные Директивой к платежным услугам	125 000
Организация по переводу денежных средств между физическими лицами	Переводы денежных средств между физическими лицами	20 000
Сервис по инициации платежей	Услуги по инициации платежей	50 000
Сервис по агрегации платежной информации	Услуги по агрегации платежной информации	Не устанавливается

платежа составляет прибыль сотового оператора, а часть – перечисляется провайдеру услуги (например, интерактивного голосования).

Наконец, Директива содержит *третий* тип исключений. Они предусмотрены для платежных операторов с небольшим масштабом деятельности – оборот которых за последние 12 месяцев не превысил 3 млн евро и в правлении которых отсутствуют лица, ранее признанные виновными в финансовых преступлениях (ст. 32). Такие небольшие платежные институты по-прежнему обязаны проходить стандартную процедуру регистрации, но освобождены от соблюдения пруденциальных требований (например, требований к минимальному капиталу).

Исторически небольшие компании – основные площадки для развития платежных инноваций. В отличие от крупных, негибких игроков, они быстро адаптируют свои бизнес-модели и предлагают клиентам новые решения, которые потом копируются или приобретаются большими компаниями. Из-за незначительных системных рисков предъявление к ним стандартных пруденциальных требований избыточно. Высвободившиеся средства малые компании могут инвестировать в новые технологии. К сожалению, в России принят довольно консервативный подход к регулированию инновационных компаний.

В 2011 г. был создан институт платежных небанковских кредитных организаций, которые могут выступать только в качестве операторов электронных денежных средств. Законодатель установил для них более мягкие пруденциальные требования, в том числе сниженный минимальный размер собственных средств (капитала) – 18 млн руб. Несмотря на то, что платежные НКО все равно были обязаны получать лицензию Центрального банка Российской Федерации, такое смягчение положительно сказалось на развитии отрасли. В конце 2015 г. был совершен существенный шаг назад – требования к минимальному размеру капитала платежных НКО были повышены в пять раз – до 90 млн руб. (ч. 2 ст. 11 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [9]). Влияние подобного ужесточения еще предстоит оценить.

Новые типы платежных институтов

Распространение новых технологий и бизнес-моделей привело к необходимости ввести внутреннюю дифференциацию платежных институтов. Новая редакция платежной Директивы фактически выделяет три категории таких организаций:

- полноценные платежные институты, которые могут оказывать весь спектр платежных услуг;
- организации по переводу денежных средств между физическими лицами (*Money remitters*);
- сервисы по инициации платежей (*Payment Initiation Services Provider, PISP*);
- сервисы по агрегации платежной информации (*Account Information Service Providers, AISP*).

В зависимости от перечня разрешенных операций к каждому типу организаций предъявляются свои требования – например, по размеру уставного капитала (см. табл.).

Из перечисленных типов платежных институтов наибольший интерес, на наш взгляд, представляют Сервисы по инициации платежей (PISP) и Сервисы по агрегации платежной информации (AISP), впервые введенные в правовое поле Директивой 2015/2366.

Сервисы по инициации платежей играют роль посредника между клиентом и организацией, в которой у него открыт счет¹. Фактически они предоставляют интерфейс для составления, удостоверения и передачи распоряжений о переводе денежных средств. Например, потребитель составляет поручение через мобильное приложение, предоставленное PISP, а сервис передает его в банк.

Сервисы по агрегации платежной информации предоставляют более специфические услуги. AISP по поручению и с разрешения клиента получают в разных банках информацию о счетах, инструментах и услугах потребителя. Далее сервис анализирует данные, и клиенту предоставляется отчет о его персональных финансах, даются рекомендации

¹ Для простоты в дальнейшем мы будем называть такую организацию банком. Тем не менее в ЕС счет клиента может быть открыт и в небанковской организации – например, в институте электронных денег. Европейский законодатель в данном случае оперирует термином *обслуживающий счет провайдер платежных услуг (account servicing payment service provider)*.

по более эффективному управлению кредитными лимитами, сбережениями и так далее. Сервисы по агрегации платежной информации также могут предоставлять полученные сведения третьим лицам (например, в целях оценки платежеспособности заемщика).

Однако при выделении новых типов платежных институтов законодателем руководило не только желание привести нормы в соответствие с бизнес-практиками. Проблема лежит значительно глубже и связана с вопросами антимонопольного законодательства. Дело в том, что традиционно финансовые учреждения увязывали получение одной услуги с получением другой. Так, если у клиента открыт счет в одном банке, то он может воспользоваться системой дистанционного банковского обслуживания или мобильным приложением только того же банка. Тем временем обслуживание счета (т. е. хранение денежных средств) и передача распоряжений о переводе средств по сути своей – разные услуги.

В Европейском союзе весьма внимательно следят за возможной монополизацией рынка, а в данном случае можно говорить о формировании вертикально интегрированных холдингов. С аналогичной ситуацией Европейская комиссия ранее столкнулась в сфере энергетики. Так называемый Третий энергопакет обязал компании разделить сегменты по генерации электроэнергии, ее транспортировке и реализации конечным потребителям, чтобы повысить конкуренцию и ликвидировать конфликт интересов на рынке [10].

Схожий конфликт интересов наблюдается в платежной отрасли. Поскольку издержки потребителя на смену банка довольно велики, у финансового учреждения нет прямых стимулов к разработке удобных и современных способов удаленной передачи распоряжений о переводе средств. Доступ к банковскому счету клиента является ограниченным ресурсом, и банки предсказуемо не хотят предоставлять его третьим лицам. В таком случае используется регулятивное принуждение, реализованное в положениях Директивы. В частности:

- держатели источников фондирования¹ будут обязаны предоставлять доступ к информации о счетах клиента (с его согласия) сервисам по инициации платежей и агрегации финансовой информации² (ст. 66 (п. 4) и 67 (п. 3));
- для получения доступа к счету наличие договорных отношений между PISP/AISP и держателем источника фондирования не обязательно (ст. 66 (п. 5) и 67 (п. 4));

¹ В Европе понятие *счет* является зонтичным, поэтому держателями источников фондирования операций являются любые организации, которые хранят средства клиентов – банки, институты электронных денег, платежные институты и пр.

² Требование не распространяется на те счета, доступ к которым невозможно получить в режиме онлайн (удаленно).

- держатели источников фондирования не имеют права дискриминировать запросы на информацию и распоряжения о переводе, инициированные PISP/AISP (ст. 66 (п. 4-с) и 67 (п. 3-b));
- держатели источников фондирования сохраняют право отказать PISP/AISP в доступе к счету, но только в случае сомнений и наличия рисков мошенничества (ст. 68 (п. п. 5, 6)). Каждый такой случай требует разъяснения;
- в свою очередь, PISP/AISP при обращении к источнику фондирования не имеют права «выдавать себя за клиента» (например, просто использовать его логин и пароль к системе дистанционного банковского обслуживания) и обязаны идентифицировать себя при осуществлении информационного обмена с держателем источника фондирования (ст. 66 (п. 3-d) и 67 (п. 2-с)).

Если перенести требования Директивы на реальную практику, то процесс платежа через информационных посредников может выглядеть следующим образом:

- клиент передает информационному посреднику данные о своем банковском счете (либо платежной карте или ином источнике фондирования) и необходимые конфиденциальные реквизиты (например, логины и/или пароли);
- для совершения платежа с использованием интерфейса, предоставленного третьей стороной (например, через мобильное приложение), клиент составляет распоряжение о переводе средств;
- информационный посредник обращается по каналам связи к банку клиента, идентифицирует себя и от имени клиента передает в банк распоряжения о переводе;
- банк исполняет полученные распоряжения и передает информацию об исполнении посреднику;
- посредник уведомляет клиента об исполнении распоряжений.

Если в данный момент реализация подобной схемы требует от информационного посредника заключения договора с каждым банком (что не всегда возможно), то после реализации Директивы в национальном законодательстве наличие таких договоров станет необязательным. Фактически банки будут обязаны предоставлять третьим сторонам «служебный вход» к счетам клиентов.

Подобное регулятивное решение простимулирует появление высокотехнологичных посредников, которые будут предоставлять только интерфейсы для управления деньгами, но при этом не будут оперировать собственно денежными средствами. В некоторых странах (в том числе в Великобритании) уже начата разработка единых стандартных протоколов обмена данными между банками и высокотехнологичными посредниками [11]. В начале 2017 г. такой стандарт предполагается утвердить на уровне Европейского союза.

Перспективы и применимость в России

Урегулирование правового статуса высокотехнологических посредников, безусловно, является только первым шагом в адаптации законодательства к меняющейся структуре рынка розничных финансовых услуг. В связи с принятием новой Директивы возникает целый комплекс вопросов практического свойства. Например, как банк может удостовериться, что посредник легитимно действует по поручению клиента? Или каким образом будет распределена ответственность в случае компенсации несанкционированных операций? Вероятнее всего, на национальном уровне будут созданы специальные институты, которые будут координировать взаимодействие банков и информационных посредников, рассматривать споры и контролировать отсутствие злоупотреблений.

Устранение монополии банков на передачу распоряжений о переводах денежных средств актуально и для России. В нашей стране чрезвычайно велико число клиентов, которым выбор банка фактически навязан в рамках зарплатного проекта. Для таких потребителей услуги информационных посредников могут быть единственным способом воспользоваться современными интерфейсами, не требующим смены банка.

26 мая 2016 г. Совет директоров Банка России одобрил «Основные направления развития финансового рынка на период 2016–2018 годов». В доку-

менте, в частности, закреплён принцип свободного, недискриминационного доступа к счетам клиентов: «Кроме того, Банк России при выстраивании регуляторной политики обеспечит невозможность отказа финансовой организации другой финансовой организации в доступе к финансовым инструментам клиента или информации о нем, если клиент дал согласие на такой доступ» [12]. Если положения «Основных направлений» будут реализованы на практике, Россия станет (в перспективе), наряду с Европейским союзом, одной из первых юрисдикций, где право третьих сторон на получение доступа к счетам клиентов будет закреплено нормативно. По нашему мнению, это позволит сохранить довольно высокие темпы внедрения финансовых инноваций без ущерба мерам по снижению системных, в том числе пруденциальных рисков.

Еще несколько лет назад антимонопольное регулирование в банковской сфере концентрировалось в основном на горизонтальной монополизации (т. е. конкуренции между банками). Пример европейской платежной Директивы показывает, что фокус внимания регулятора постепенно смещается в сторону борьбы с вертикальной монополизацией. Требования законодательства о разделении услуг по обслуживанию счета и передаче распоряжений по переводу средств, на наш взгляд, станут одним из существенных факторов, определяющих не только развитие рынка, но и разработку новых платежных технологий.

Список литературы

1. Directive 2007/64/EC of the European Parliament and of the Council of 13 November 2007 on payment services in the internal market amending Directives 97/7/EC, 2002/65/EC, 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 97/5/EC (Text with EEA relevance) // Official Journal of the European Union. L 319. 05.12.2007. P. 1–36.
2. Report from the Commission to the European Parliament and the Council on the application of Directive 2007/64/EC on payment services in the internal market and on Regulation (EC) No 924/2009 on cross-border payments in the Community. European Commission. COM (2013) 549 final. Brussels. 24.07.2013.
3. Directive (EU) 2015/2366 of the European Parliament and of the Council of 25 November 2015 on payment services in the internal market, amending Directives 2002/65/EC, 2009/110/EC and 2013/36/EU and Regulation (EU) No 1093/2010, and repealing Directive 2007/64/EC // Official Journal of the European Union. L 337. 23.12.2015. P. 35–127.
4. Consolidated version of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // Official Journal of the European Union. C 326. 26.10.2012. P. 47–390.
5. Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами».
6. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».
7. World Payments Report 2015. Capgemini and The Royal Bank of Scotland plc (RBS). 2015.
8. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи».
9. Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».
10. Questions and Answers on the third legislative package for an internal EU gas and electricity market. European Commission. MEMO/11/125. Brussels. 02.03.2011.
11. The Open Banking Standard. Open Data Institute. London. 2016.
12. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на период 2016–2018 годов (одобрено Советом директоров Банка России 26.05.2016). Банк России. С. 32.